

Василий Буслаевич (9)

Во славном-то было Нове-городе:
Жил молодой-то боец Василий сын Буслаевич
Со своей-то родимой со матушкой,
Со Мамельфой-то, верно, Тимофеёвной,
С новгородским мужиками он не ладился.
Наварили мужики да пива пеннаго,
Накурили мужики да зелена вина,
Свет Василья-та Буслаевича они не чёствовали —
Стали пир пировать да угощатися.
Как приходит тут Василий сын Буславъевич,
Говорят тут мужики да новгородские:
«Еще званым-то гостям еще место есть,
А незваному гостю ноне места нет».
Говорит тут Василий сын Буславъевич:
«Еще званым гостям да много места надобно,
Ай и мне-то придётся сидеть на лавочки.
Уж давайте, мужики да новгородские,
Уж и будем биться со мной да о велик залог,
Не о ста рублях будем да о тысячи —
О своих-то буйных да вот головушках!
Еще завтра пойдём да мы на Волхов мост,
Вот на Волхов-от мост ведь побрататься.
Наварю-то я пива да ноне пьянаго,
Накуру-то я, верно, зеленá вина —
Еще милости прошу ко мне закусывати».
Наварил тут Василий да пива пенного,
Накурил тут Василий зеленá вина.
Разослал-то ярлыки да скорописчаты,
Приглашает он на пир да мужиков своих.
Как идут-то ведь стары да всё ведь малые,
Все на пир-то идут они к Василию.
На дворе-то стоят чаны́ полнёхоньки,
Во чанах-то спущёны ковши золочёные.
Как выходит Василий со своею палицей,
Еще с палицей — пудов на ней двенадцети,

Говорит-то Василий таковы слова:
«Уж вы гой есь, мужики да новгородские!
Кто истерпит-то мой да вот червлёный вяз,
Тот и будет мне другом, братом названным».
Посмотрели мужики да новгородские
Всё на пиво, на вино да всё на кушанье —
Обратились обратно в путь-дорожечку.
Как навстречу им бежит Потаня Хроменькой,
Еще спрашивает у их да таковы слова:
«Уж вы гой есь, мужики да новгородские!
Много ль было с Васьюшкой пито да много ль едено?» —
«Мы не пили-то с Васьюшкой да вот не кушали,
А только видели увечье одинокоё!»
Прибегает тут Потанюшка ведь Хроменькой,
Уж он черпает из чана медным ковшиком.
Выбегает тут Василий сын Буслаевич,
Еще бьет он Потаню по головушке,
Еще бьет Потанюшку по плечикам —
Как Потанюшка стоит да не шелóхнется,
Синь кофтанчик на Потане да не сколы́хнется,
Чарка полная не оплэ́снется.
Побратались тут Василий с Потаней Хроменьким.
Как прибрал себе Васильюшка Буслаевич
Тридцать молодцов без единого,
Сам тридцатым сел детиною.
Как во праздничек во божий день
Собирались мужики да новгородские на Волхов мост
Тут и драться с Васильюшкой Буслаевичем
Не о ста рублях, не об тысяче —
О своих они буйных головах.
Как узнала тут его матушка,
Свет Мамельфа Тимофеевна,
Говорила она таковы слова:
«Ох ты гой еси, мое чадо милое,
Свет Васильюшко да сын Буслаевич!
Еще что же, дитяtko, ты делаешь?
Жил отец твой, Буслай, старинный дед,
Он со Псковом-то не здорился,
С Новым-городом да он не спорился,

Ты в кого же уродился, чадо милое?»
Заперла она его во темну темницу
(*мать-то егова!*),
Заперла она дверь, верно, дубовую,
Позадвинула рогатками.
Собиралися мужики тут да новгородские на Волхов мост
Силой с Васенькой померяться.
Как выходят тут его товарищи —
Что Потанюшка Хроменький,
Еще Костя Новотарженин.
Выходили они тут на Волхов мост,
Стали биться-драться с мужиками новгородскими —
Как одолевать их стали мужики-то новгородские.
Как и шла тут девушка-чернавушка за водой на реку,
Увидал Потаня Хроменькой,
Закричал он зычным своим голосом:
«Уж ты девушка-чернавушка!
Позови-тко ты к нам сюда Васильюшка,
Брата старшего к нам, Васеньку Буслаевича:
Наши головы ноне прощёлканы,
Наши ноженьки ноне поломаны,
Наши ручки нонь да перевернуты!»
Побросала девка ведрица,
Разметала коромыслица,
Побежала она с Волхова моста,
Закричала да громким голосом:
«Уж ты Васенька сын Буслаевич!
Спишь ты дома, а невзгодушку не ведаешь:
У твоей ли нонь да у дружинушки
У них головы нонь да прощёлканы,
У них быстры ноженьки поломаны,
У них белы ручки да перевернуты!»
Услыхал ведь тут Васильюшка сын Буслаевич —
Соскочил он в одной рубахе, в одних чоботах,
Еще дверь дубовую выдавливал,
Все рогатины выламливал,
Выбегал он на широкий двор.
Не нашел Василий палицы тяжелой,
А попадалась Васильюшку ось тележная,

Ось тележная, ось тяжелая.
Побежал Васильюшко на Волхов мост,
Закричал он зычным голосом:
«Уж вы гой еси, дружина моя хоробрая,
Отдохните нонь, остановитесь!»
Тут пошел махать Василий сын Буслаевич
Своей осью подтележную:
Где махнет — ложится улица,
Поворотит — переулочки.
Собирались мужики-ти новгородские,
Собирались малы детушки,
Насыпали они чару красна золота,
Насыпали другую чиста серебра,
Подносили эти чары что Васильюшкову крестному,
Честну старчищу Андронищу:
«Уж ты гой еси, честное старчище Андронище!
Ты уйми-ка чадо милое,
Чадо милое, любимое,
Свет Васильюшку Буслаевича:
Он побил нас всех до единого,
Пусть оставит хоть для семени!»
Как пошел тут старчище Андронище,
Надевал он на свои-то плечи старые
Монастырский медный колокол.
Он идет, Андронище, на Волхов мост,
Язычищем нонь да подпирается.
Увидал его Василий сын Буслаевич:
«Уж ты гой еси, честное старчище Андронище,
Уж ты крестный мой, верно, батюшка!»
Подбегает тут Василий ко Андронищу,
Ударяет он нонь осью прямо в колокол.
Как ударил, верно, Васенька по колоколу —
Загудела мать сыра земля, растрескалася,
Той минутой дед Андронище
Ко сырой земли припадывал.
Заглянул Василий, верно, нонь под колокол —
А у деда очи вылезли.
Тут заплакали мужики да новгородские.
Насыпали они чашу красна золота,

Насыпали другую чиста серебра.
Приходили они к Мамельфы да Тимофеевны:
«Уж ты гой еси, честна вдова Мамельфа да Тимофеевна!
Ты уйми свое да чадо милое,
Свет Василья сына Буслаевича,
И оставь нас хоть для семени!»
Услыхала свет Мамельфа да Тимофеевна,
Услыхала, слёзно заплакала, —
Побежала она на Волхов мост.
Как подбегает Мамельфа Тимофеевна
Она сзади к сыну Васильюшку,
Ухватила она его да за рубашечку:
«Уж ты гой еси, мое чадо милое,
Свет Василий да сын Буслаевич,
Что ты делаешь да нонь, не ведаю!»
Овернулся да тут Васильюшка Буслаевич:
Позади его стоит да родна матушка.
Говорит он ей да таковы слова:
«Уж ты гой еси, моя матушка родимая!
Хорошо ты, матушка, удумала,
Что ко мне ты сзади бросилась:
Второпях да по озёрности
Не спросил бы я, Васильюшка, и матушки —
Я убил бы тебя, рódная,
Вместо парня новгородского!»
Выпала у его из рук да ось тележная,
Ось тележная, тяжелая,
Взял Васильюшка родную мать нонь за́ руку
И отправился в родимый дом.
Собирал Васильюшка дружинушку хоробрую
И остáльных мужиков да новгородских,
Он велел по убиенным панихиды петь.

*(Зап. Колпаковой Н. П.: 6 авг. 1956 г., д. Тельвиска Нарьян-Марского р-на —
от Кузьмина Тимофея Степановича, 68 лет.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.